

Культура. - 2000. - 27 янв. - 2 февр. -
Гарольд и мода с. 9

“Коллекция Пинтера”. Антреприза “Арт-Мост”

Течение театрального процесса постоянно проверяет режиссеров и авторов, ими ставимых, на совместимость. Выражения из серии “Шекспир режиссера Иванова” или “Островский режиссера Сидорова” можно услышать довольно часто. Что и говорить, для иного режиссера бывает очень важно найти драматурга “одной крови” с собой, чтобы не приходилось сильно ломать себя или пьесу, и разок-другой поработать радостно и легко.

Владимир Мирзоев поставил Гарольда Пинтера. Абсурдист поставил абсурдиста. Казалось бы – наконец-то! До сего момента Мирзоев брался за драматургов Шекспира, Гоголя, Тургенева, наряжая текст в причудливые одеяния собственных приемов. В результате первоисточник менялся до неузнаваемости, публика заходила от восторга, знатоки шипели, а по Москве шел гул. Теперь же случилось чудо: Мирзоев взялся за автора, который, кажется, сочинял свои пьесы именно на его режиссуру. К тому же вдруг отказался от стационарного театра и предпочел антрепризу. Пригласив, тем не менее, “своих” актеров – Е.Шанину, С.Маковецкого, М.Суханова, добавив к этому блестящему ансамблю В.Гафта. В результате зал Театра им. Вл. Маяковского, где игралась премьера “Коллекции Пинтера” (такое название получил спектакль), не вмещал всех желающих. Зрители свисали со стен и стояли в проходах, телевидение жалось по углам, а критика ютилась на откидных табуретках.

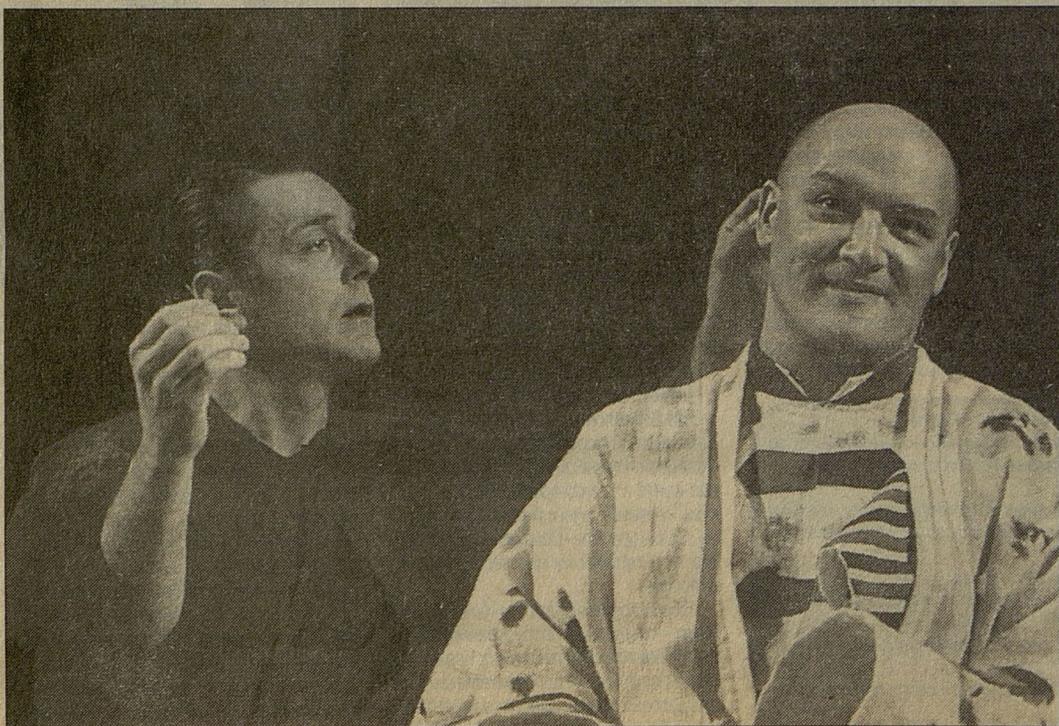
Однако, как показал результат, случилась у режиссера промашка ужасная. Поначалу невозможно было понять, отчего же при полном наборе ставших привычными при-

емов и трюков, при замечательном составе актеров, которые вроде бы играют не хуже, чем всегда, основное, что испытываешь во время просмотра, – беспросветная, тягучая скука. Прелестный абсурдистский анекдот Пинтера о несостоявшейся супружеской измене, с едким юмором и остроумными диалогами бесследно испарился, явив взамен себя тяжеловесное, как кирпич, зрелище. При всем мастерстве и обаянии актеров их работы никак не укладываются в ансамбль. Мизансцены возникают случайно, отдельно друг от друга, и проследить логику перемещений персонажей, их взаимоотношения, прочувствовать атмосферу становится нереально. Кажется, что Мирзоев наскоро проглядел пьесу, задал каждому из актеров приблизительно подходящую маску и устранился из спектакля, предоставив остальной команде, включая художников и балетмейстера, разбираться самим. И потому сценография (П.Каплевич придумал на сцене симпатичный будуарчик в цветах и картинках) оказывается отдельно, актеры – отдельно, а Пинтер, соответственно – отдельно. Видимо, актеры почувствовали не слишком внимательное к себе отношение и стали работать вполсилы, давая отсылки к своим более ранним работам. Так, глядя на Гарри С.Маковецкого, самоуверенного циника в красном, вспоминаешь Клэра Куилти, сыгранного им в “Лолите” Театра Виктюка. Джеймс В.Гафта, темпераментный и скандальный, вполне мог быть среди героев какого-нибудь спектакля “Современника”. Стелла Е.Шаниной – прямые вариации на тему ее Натальи Петровны из “Двух женщин” того же Мирзоева. Самая удачная ра-

бота – Билл М.Суханова. Помимо внешнего рисунка роли, казалось бы, раз и навсегда закрепленного за актером в мирзоевских спектаклях – странных интонаций, изломанной пластики, некой инфернальности общего облика, – появилось нечто совсем новое. Из-под маски вечного клоуна вдруг проглянули живые эмоции, недоумение и страдание, сыгранные очень убедительно. Билл – Суханов – большой ребенок, неожиданно столкнувшийся нос к носу с доселе неведомыми ему коварством и обманом. Он совершенно искренне не понимает, в чем его обвиняет Джеймс, почему так холоден Гарри, зачем вообще его втянули во всю эту историю, да и во всю эту жизнь. Но страдание преподносится актером с мягкой иронией над самим собой, как и предполагает театр Пинтера. Суханов не уходит в реалистичский театр. Зато этим грешит В.Гафт, относящийся к своему герою чересчур серьезно, чем абсолютно выбивается из невнятной, но все же условности мирзоевской режиссуры.

Что же в конце концов приключилось, почему предельно “свой” автор сыграл с режиссером Мирзоевым такую злую шутку? Думается, что дело как раз в том, что драматургия и режиссерский метод оказались из одной системы координат. Ставя Шекспира, Мирзоев переворачивал его логику с ног на голову – и необычная трактовка была готова. Но, взявшись за уже “перевернутого” Пинтера, он пошел тем же привычным путем. И в результате спектакль, который мог бы стать явлением, погиб. И такое, увы, случается.

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Сцена из спектакля “Коллекция Пинтера”

Фото М. ПУТЕРМАНА

140